

Его Высочество Принц, держа в руке маленькую мягкую подушечку в форме цветка сливы, с улыбкой произнес:

— Не торопись, свадьба продолжится сейчас же.

Он достал из внутреннего кармана пиджака два кольца, украшенных огромными бриллиантами. На этот раз не было нужды беспокоиться, что маленькое существо у него на руках устроит побег.

Сначала Принц взял левую лапку Чжоу Хуайцзина. Одежда, в которой тот превратился, сбилась в кучу, и кольца оказались спрятаны внутри. Неизвестно, когда Принц успел вернуться и вытащить их оттуда.

Кольца, конечно, были сделаны для людей, а не для кошек, и никак не хотели надеваться на мягкую лапку. Принц попробовал несколько раз, затем вдруг зловеще улыбнулся. Чжоу Хуайцзин, заметив эту улыбку, вздрогнул, и его шерсть слегка встала дыбом.

— Превратись в человека, — приказал Принц.

Чжоу Хуайцзин растерянно посмотрел на него, невинно моргнув.

Принц тихо рассмеялся, нежно поглаживая его спину. Теплота его руки передавалась через мягкую белую шерсть, а ладонь медленно скользила вдоль изогнутого позвоночника, пока не достигла хвоста, который он крепко схватил.

— Мяу! — Чжоу Хуайцзин издал искаженный звук.

Это было не от боли, а от удовольствия.

Чжоу Хуайцзин чувствовал, как от хвоста по всему телу разливаются тонкие электрические импульсы, принося невероятное наслаждение, словно он погрузился в горячий источник. Он был настолько счастлив, что готов был пускать пузыри, но в то же время ощущал странное щекотание, которое хотелось почесать, буквально до костей.

Принц на мгновение замер, в его темных глазах промелькнуло нечто непонятное, и на лице появилась едва заметная тень удивления. Однако он быстро взял себя в руки и, закрутив тонкий хвостик, начал продвигать кольцо внутрь.

Чжоу Хуайцзин уже не мог удержаться на своих коротких лапках и мягко упал на пол. Теплые электрические импульсы распространились по его голове, зрачки стали ярко-голубыми, а острые коготки непроизвольно царапали чешую русалки, словно пытаясь выплеснуть всю накопившуюся обиду.

Принц продолжал продвигать кольцо все глубже, чувствуя, как маленькое тело кошки дрожит.

Хвост был крепко схвачен, и кольцо резко продвинулось внутрь. Чжоу Хуайцзин мяукнул, испытывая одновременно боль и щекотку, а кольцо плотно зафиксировалось у самого основания хвоста.

Вся шерсть на его теле встала дыбом, и он, размахивая лапкой, сбил несколько переливающихся чешуек. На месте содранных чешуек проступила кровь.

Осознав, что он натворил, Чжоу Хуайцзин смущенно сел на пол, поставив передние лапки

перед собой, и, глядя на хмурое лицо Принца, невинно наклонил голову, издав длинное «мяу».

Уголки губ русалки слегка приподнялись, обнажив острые зубы, а глаза стали глубокими и темными.

Когда Чжоу Хуайцзин уже думал, что его схватят и с громким хрустом съедят, Принц вдруг взял его правую лапку и заставил надеть кольцо на острый палец русалки.

Длинные заостренные пальцы Принца были направлены прямо на его глаза, и Чжоу Хуайцзин, боясь, что они вот-вот вонзятся в них, с необычной покорностью позволил надеть кольцо на ноготь, а затем сам выставил коготки, чтобы Принц мог продвинуть кольцо дальше.

На этот раз Чжоу Хуайцзин был полностью в руках Принца, и ему ничего не оставалось, как помочь надеть кольцо на безымянный палец, от ногтя до первого сустава, затем второго, пока оно не зафиксировалось на самом конце, плотно обхватив палец русалки.

Глаза Принца загорелись ярким светом, а падающий свет лампы придал его зрачкам прозрачность, словно они были сделаны из стекла. Глубокие глаза наполнились мерцающими звездами, сияющими в темноте.

Бум — бум — бум —

Двенадцать тяжелых ударов часов разнеслись по всему ночному небу. Молодой человек прислушался к этому звуку, а луна, выйдя из-за облаков, осветила его лицо своим серебристым светом, делая его красоту почти нереальной.

Принц медленно закрыл глаза, его дыхание стало спокойным и величественным, словно он был изображением на средневековой картине, где каждый вдох и выдох наполнен мрачной аристократической меланхолией.

Когда прозвучал последний удар часов, Чжоу Хуайцзин затаил дыхание, глядя на это прекрасное лицо, ожидая, что Принц погрузится в вечный сон.

Однако Принц внезапно открыл глаза и, улыбаясь при лунном свете, заговорил о луне за окном:

— Сегодняшняя луна прекрасна, не так ли?

Никто не мог знать, что он испытал, когда впервые открыл глаза и увидел юношу с обнаженной спиной, стоящего перед ним.

Лунный свет на побережье ярко освещал его гладкие плечи, а кошачий хвост, словно стесняясь, прикрывал переднюю часть тела, но мягкие округлости сзади были полностью открыты взгляду наблюдающего.

Тот лунный свет был так же прекрасен, как и сегодня, и даже воздух был наполнен сладким ароматом красных роз.

Даже когда система сообщила, что он вышел из игры, Чжоу Хуайцзин все еще не мог поверить.

Он действительно прошел уровень?

«Неужели судьбой принца был кот, который его спас?»

Чжоу Хуайцзин мысленно провел параллель со сказками. Если сменить декорации, то, по всей видимости, это действительно должен был быть он. В истории о русалке Его Высочество Принц был спасен морской девой, и если бы не вмешательство принцессы, возможно, он был бы счастлив с русалкой.

Однако насколько такая аналогия была верной, Чжоу Хуайцзин не мог сказать точно.

Но, по крайней мере, он прошел уровень, хотя и не встретил того человека в личном пространстве после выхода из игры, но все же получил некоторый результат.

Он снял шлем и уже собирался положить его у кровати, как вдруг заметил, что у изголовья стоит высокая фигура.

Этот стройный и величественный силуэт явно принадлежал его красивому и статному старшему брату.

Чжоу Хуайцзин замер, держа шлем, и тихо пробормотал:

— Я не скажу дяде и тете, что брат так поздно еще не спит.

Чжоу Хуайсю, который уже был готов отчитать его, внезапно замолчал, подавив гнев, и после паузы грубо ответил:

— Действительно поздно. Я ждал тебя здесь три часа.

Чжоу Хуайцзин, словно успокаивая непослушного ребенка, сказал:

— Тогда брат скорее ложись спать, иначе завтра на работу опоздаешь.

Чжоу Хуайсю дернулся, щелкнул его по лбу и строго сказал:

— Наказываю тебя месяц без игр.

Как гром среди ясного неба, Чжоу Хуайцзин схватился за лоб, его круглые блестящие глаза широко раскрылись, и он покорно протянул игровой шлем:

— Брат, я больше не буду.

Его искреннее раскаяние тронуло Чжоу Хуайсю. Он взял шлем, боясь, что младший брат затаит обиду, и объяснил:

— Я должен выяснить, кто это, кто тебя втянул в игру, чтобы быть спокойным.

Глаза Чжоу Хуайцзина загорелись, и он энергично кивнул.

— Ладно, теперь ложись спать, завтра утром тебе на занятия.

Получив обещание, Чжоу Хуайсю выключил свет и вышел, закрыв за собой дверь.

Как только он вышел, его лицо мгновенно изменилось, и на нем появилось выражение глубокой озабоченности.

Откуда у него появился такой родственник, который целыми днями бездельничает, играет в игры по ночам и развращает его младшего брата?

Чжоу Хуайсю снова и снова перебирал в уме описания, которые давал его брат, и почти уверенно определил, что это был старший сын Лу Ина — Лу Чан.

Чжоу Хуайсю все еще размышлял, как найти этого человека и сменить опекуна, как вдруг вспомнил, что Лу Чан тоже учится в школе Чэньгуан.

У Лу Второго были проблемы с головой, и об этом знали только он сам и его личный психолог, старый господин Цинь.

Лу Второй испытывал почти болезненную потребность в физическом контакте. Сначала он просто хотел, чтобы кто-то погладил его по голове, конечно, это было, когда ему было семь лет. Но Лу Второй испытывал крайнюю подозрительность к людям и почти не мог терпеть прикосновения других. Чем больше он подавлял это желание, тем сильнее оно становилось, словно ядовитая трава, опутавшая его всего.

Доктор Цинь давно заметил, что что-то не так, но ничего не мог поделать. Лу Второй не доверял никому, даже ему, и никакие попытки не могли уменьшить его подозрительность, не говоря уже о том, чтобы позволить себя погладить.

Эта болезнь была вызвана детскими переживаниями. Мать Лу Второго была четвертой женой старого господина Лу, молодой и красивой, нежной и ласковой, что покорило сердце старого Лу. Но после рождения Лу И она впала в послеродовую депрессию и покончила с собой. Отец Лу направил весь свой гнев и боль на младенца Лу И, и поэтому в детстве Лу И в семье Лу жилось очень тяжело. Старый господин Лу испытывал к младшему сыну сложные чувства, где любовь смешивалась с ненавистью, и он то баловал его, как драгоценность, то обращался с ним, как с врагом. Это привело к тому, что в детстве Лу И то ел изысканные блюда, то получал заплесневелые объедки, переживая то рай, то ад.

<http://bllate.org/book/16647/1525267>